

Час Быка, третья четверть.

Было уже поздно, и простые люди давно крепко спали. Лишь в весёлых домах, где предавались утехам знатные господа, всё ещё ярко горели огни, а внутри и снаружи висели ряды алых фонарей.

Запах вина и пудры разносился на три ли окрест, заставляя ночного стражника чувствовать дурноту. Не осмеливаясь задерживаться здесь, он торопливо проходил мимо, постукивая в бамбуковую колотушку и гонг.

Янь Лян вышел в окружении целой стайки прелестниц. Ворот его роскошного одеяния, и без того низкий, был слегка распахнут, а на ткани выше колен виднелись складки — бог весть, сколько девиц этой ночью сидело у него на коленях, поднося вино.

За пояс был заткнут белый складной веер, золотые и нефритовые нити на рукояти которого мерно покачивались в такт шагам.

Его слегка вытянутые глаза были полуприкрыты, а на губах играла мягкая улыбка. Одной рукой он обнимал за плечи девушку в пурпурном платье, поигрывая пальцами с её волосами, рассыпанными по спине.

Послушные чёрные пряди выскальзывали сквозь пальцы, но Янь Лян неустанно повторял одно и то же движение: подхватывал их и снова давал соскользнуть.

— Господин.

— Позвольте вашему слуге поддержать вас.

Заигрывания Янь Ляна прервал низкий голос внезапно появившегося человека.

Пришедший был облачен в чёрное, взгляд его был опущен, а на худощавом подбородке виднелся едва заметный короткий шрам. Весь его облик казался суровым и холодным, но смиренно согнутая спина добавляла ему покорности.

Янь Лян нахмурился, на несколько мгновений замолчал, а затем раздражённо цыкнул, словно недовольный бестактностью этого человека.

Всё же он протянул руку, которой до этого обнимал красавицу.

«Настоящий чурбан, неужели не видит, что рядом со мной прелестница? Вечно появляется не к месту и портит все удовольствие».

«И почему мне тогда показалось, что он подходит, чтобы оставить его при себе... Нужно было отослать его как можно дальше».

Янь Лян небрежно достал несколько слитков серебра, чтобы спровадить девиц, а затем снял верхнее одеяние, пропахшее пудрой, и бросил его молчаливому спутнику.

— Как продвигается дело, которое я тебе поручил?

Янь Лян уже не нуждался в поддержке и сам поднялся в экипаж, наступив на низкую скамеечку.

— Ваш подчинённый не справился.

Человек, прижимавший к себе одеяние, последовал за ним в карету.

Внутри на маленьком круглом столике грелся чай и были расставлены изысканные сладости.

Янь У убрал сложенное одеяние в потайной ящик под столом, после чего поставил рядом с Янь Ляном чашку тёплого чая.

— Всего лишь белый кролик, и ты его не поймал?

— Ваш подчинённый не справился: я случайно убил его, — Янь У смиренно сидел на коленях у стола, и ничто не указывало, что он лжёт.

«Случайно?» — Янь Лян не стал расспрашивать дальше, лишь про себя пожалел. Нечасто встретишь кого-то настолько во вкусе... У обычно всегда знал меру, почему же в этот раз действовал так жестоко?

Его внезапно охватило раздражение, и он выхватил веер из-за пояса. Сидящий на полу человек сразу понял намёк и придвинулся на коленях, желая забрать веер, чтобы обмахивать господина.

Однако Янь Лян с брезгливостью упёрся носком сапога ему в грудь и коснулся его спины развернутым веером. Когда он убрал его, на полотне действительно остались алые следы крови.

«От него так сильно несёт кровью, а он смеет садиться со мной в одну карету?»

Ему определённо следовало немедленно вышвырнуть этого дерзкого наглеца, но вместо этого почему-то спросил:

— Ранен?

— Ваш подчинённый знает, что погубил любимую вещь князя, и заслуживает смерти. Поэтому я сначала сам отправился в зал наказаний и получил тридцать ударов плетью, и только после этого пригнал карету к весёлому дому, чтобы встретить вас.

— ...Я ненавижу тех, кто умничает, — Янь Лян и так был раздосадован, но теперь в нём закипал гнев.

Тело и жизнь этого слуги принадлежали ему, и прежде чем что-либо предпринимать, следовало получить согласие хозяина.

— Таковы правила в княжеском поместье, ваш подчинённый не пытался умничать.

Янь Лян посмотрел на человека, коснувшегося лбом пола, и хмыкнул, бросив испачканный кровью веер на стол.

— Ещё раз возразишь — получишь сто ударов палками. Проваливай наружу и правь лошадьми.

— Слушаюсь.

«В следующий раз, даруя фамилию подчинённым, нужно сначала посмотреть, не тупица ли он. Как такой олух, как У, может носить фамилию Янь?»

«Впервые вижу, чтобы кто-то сам напрашивался на порку... Зря только такое красивое лицо

пропадает».

Он подпер голову рукой и протяжно вздохнул; запах крови, витавший у самого носа, стал немного слабее.

Янь У сидел на козлах, подогнув одну ногу; их разделяла лишь плотная занавесь.

Этот тихий вздох долетел до его ушей вместе со свистом ветра. Рука, сжимавшая поводья, дрогнула, хватка становилась всё крепче, так что костяшки пальцев побелели.

Янь У моргнул, прогоняя сухость в глазах от ветра, и проговорил — то ли в утешение, то ли в оправдание:

— Человек, которого князь велел доставить вашему подчинённому, был шпионом семьи Го, его смерть не стоит сожалений. Красавцев в мире тысячи, вам не стоит слишком печалиться.

— Печалиться? — Янь Лян внутри кареты усмехнулся, прижимая палец к краю чайной чашки.
— Я вижу, раны на твоём теле совсем не болят, раз ты смеешь самовольно толковать мысли хозяина.

— Видно, тех тридцати ударов было мало. Есть ли в поместье линейка для наказаний? Я лично займусь твоим воспитанием.

Янь Лян произносил слова медленно, без гнева, и в них даже слышалась тень двусмысленного заигрывания. Особенно когда он выделил слово «лично». Он намеренно вел себя легкомысленно, желая припугнуть этого юнца, забывшего о субординации.

Теневой страж, понимая, что над ним подтрунивают, не выказал ни смущения, ни обиды и лишь спокойно ответил:

— До рассвета осталось около четырёх часов. Ваш подчинённый боится, что князь не успеет вдоволь насладиться наказанием. Лучше сначала искупаться, переодеться и набраться сил, чтобы не задремать на дворцовом пиру.

— ...

Янь Лян не нашёлся с ответом. «Разве так подобает разговаривать с господином? Явно пользуется моим расположением и наглеет. Тот робкий ребёнок исчез, вырос и стал своенравным».

Сказать по правде, наказывать его за такое было жалко — всё-таки он рос у него на глазах.

Впрочем, такой характер тоже неплох: не юлит, говорит что думает — это куда лучше тех, кто выражается обиняками.

Эх, вот только силы в избытке, а в голове пусто. Тот, кого он вырастил, должен был быть искусен и в мече, и в слове.

— Когда вернёмся в поместье, только мы с тобой и останемся живыми существами, — Янь Лян от скуки отодвинул занавеску и с неохотой высунул голову наружу.

— Эти слуги передо мной — точно марионетки, только и знают, что кивать. На их фоне я сам кажусь каким-то демоном-ракшасом.

Вне стен поместья ему не нужно было держаться так, как подобает князю, и там он чувствовал себя свободным.

— На самом деле я с детства рос среди простого народа, и только в восемь лет меня забрали во дворец. Из-за того, что мной пренебрегали, через несколько лет мне пожаловали княжеский титул... и с тех пор я заперт в этом крошечном поместье.

Янь У не проронил ни слова, молча выслушивая эти излияния, которые слышал от господина уже сотню раз.

Все тепло в этой жизни он получил от князя.

С того самого момента, как князь подобрал его на заснеженном пустыре и прижал к груди, его сердце, которое должно было омертветь, снова начало биться.

Даже если тогда его оставили при себе лишь ради забавы, он принимал это. Вдвоем ведь легче согреться. Впереди ещё долгий путь, и он поклялся оберегать князя всю его жизнь.

<http://bllate.org/book/22107/2316085>